

Акбар Мураталиев

ВРЕМЯ ОРДЫ

Книга 2: Корона Севера

18+

Время Орды

Акбар Мураталиев

**Время Орды. Книга
2: Корона Севера**

«Автор»

2026

Мураталиев А.

Время Орды. Книга 2: Корона Севера / А. Мураталиев —
«Автор», 2026 — (Время Орды)

В Северных княжествах разгорается война за власть. Воевода-регент с верными людьми отправляется в опасное путешествие на восток за ключом к победе. Но на его пути к цели встанет нечто жуткое, скрывающееся в глубине пореченских уделов.

© Мураталиев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. В тихом омуте	5
Глава 2. Немой берег	10
Глава 3. Живой оброк, мертвый откуп	15
Глава 4. Соль и сталь	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Акбар Мураталиев

Время Орды. Книга 2: Корона Севера

Глава 1. В тихом омуте

Бато вырвало за борт. Изрыгая наружу желчь и остатки сухарей, он повис над водой, судорожно вцепившись в покрытую речной слизью кромку. Желудок раз за разом сворачивался в тугий узел.

Когда полукровку отпустило, он попытался оторваться от края, но корабль снова качнуло, и сапоги Бато поехали по мокрой палубе. Чтобы не свалиться под ноги гребцам, он снова ухватился за кромку и выругался на степном наречии, проклиная тот день, когда согласился сменить седло на ладью.

За годы скитаний Бато повидал многое. В великой степи научился читать следы на едва примятом ковыле, чують дым костра за сотню шагов и сутками обходиться без глотка воды. В северных лесах — бесшумно ступать по хвое, по звуку отличать ход косули от хода всадника, высматривать любую птицу между густых еловых лап. Но освоить жизнь на воде ему еще только предстояло.

Полукровку беспрерывно тошнило от качки, он мерз от промозглого ветра, давился сухарями и рыбой. И все же он предпочел эти невзгоды службе в ордынском войске, о которой так мечтал еще несколько месяцев назад.

Тогда Бато стоял в шаге от официального смотра, на котором сотники разбивали новобранцев по десяткам. После распределения воины-нукеры из одной десятки все делали вместе и несли ответственность друг за друга. Они спали в одной юрте, ели из одного котла и не спускали друг с друга глаз. Стоило одному провиниться — наказывали всех десятерых. Успей Бато распределиться в десятку, и круговая порука связала бы его по рукам и ногам.

Не найди его тогда в корчме соглядатай знатного ордынца, и сейчас его судьбе позавидовал бы только мертвый. Слуга вельможи коротко продемонстрировал золотую пайцзу, знак высшего расположения хана, и велел Бато немедленно бежать из города, так как тот впал в немилость к тысячнику Орды. Полукровка не знал, где перешел дорогу столь знатному нойону, но тысячнику не нужны были причины для того, чтобы казнить новобранца.

Достойная смерть через перелом хребта в Орде полагалась только знатым людям. Безродного же полукровку могли привязать к хвостам молодых, необъезженных жеребцов и пустить по степи, пока от тела не останутся только лохмотья. Могли также и изрубить саблями, пробуя на живой жертве остроту стали. На этом фоне ледяная крупа, бьющая в лицо, промокшие сапоги и выворачивающая наизнанку качка были сущей ерундой.

С этими мыслями Бато оторвался от кромки и с хрустом распрямил затекшую спину. На носу корабля он должен был нести дозор вплоть до остановки, но полукровке хотелось отвлечься от изнуряющей тошноты, да и просто разогнать кровь. Он двинулся вдоль борта в сторону кормы, придерживаясь рукой за обледенелый край.

Колени при каждом шаге неверно подрагивали, а занемевшие пальцы в промокших сапогах еле шевелились. Ладью качало, мокрый настил скользил под ногами, и при этом полукровке приходилось переступать через вытянутые ноги воинов, отдохавших после гребной смены. Многие из них только недавно влились в дружину и на Бато поглядывали с угрюмым недовольством. Следопыт слыл любимчиком воеводы.

Свободного места на ладье почти не было, так что отдыхающие дружинники сидели прямо на тюках с припасами и холодной палубе. Некоторые дремали, надвинув шапки на глаза и завернувшись во влажные плащи, но большинство просто старались согреться, растирая

замерзшие руки и топя сапогами. Каждый порыв ветра высасывал тепло из их тел, поэтому бойцы сбивались в группы и жались друг к другу.

Помимо людей, ладья доверху наполнилась войсковым скарбом, из-за чего корабль шел по воде глубже обычного. Наверху громоздились доспехи, оружие и окованные щиты, смазанные салом и укрытые от речной сырости рогожами и просмоленным холстом. Под железом покоились горы мешков с сухарями, бочонки с рыбой, котлы для варки каши, свернутые кожаные палатки и берестяные короба с запасными стрелами.

Бато зябко поежился. Шапка-малахай не спасала от ветра, струи которого затекали за шиворот. Весна в Северных княжествах приходила долго и неохотно. Днем лед на реке трескался и вставал дыбом, а к ночи мороз стягивал его обратно. Но стоило реке освободиться от ледяных оков, как она вздувалась, поглощая прибрежную растительность и затопляя низины вокруг себя.

Мутная от весенней грязи вода низко гудела вокруг, увлекая за собой почерневшие бревна, целые острова из переплетенных корней и прочий речной мусор. То и дело откуда-то снизу раздавался грохот стволов о подводную часть корабля. Каждый такой удар отзывался содроганием во всем корпусе ладьи, заставляя новобранцев испуганно переглядываться.

Напор реки был силен. Судно шло ходко, но гребцам все равно приходилось трудиться изо всех сил. Рабочая смена то и дело налегала на весла, чтобы не развернуло поперек волны или чтобы бурный поток не бросил на каменистую отмель.

Но, несмотря на коварное течение и удары по бортам, полноводная река стала для дружины благословением. Все наземные дороги сейчас раскисли до состояния болота. Добраться по ним до пореченских уделов получилось бы только к концу весны.

Бато подобрался вплотную к корме, на которой высилась худая, но крепкая фигура сотника. Тот зорко всматривался в серую пелену впереди, лишь изредка подавая знаки рулевому.

— Здоров будь, Ермолай! — прокричал полукровка, сиюсь перекрыть речной шум. — Далеко ли еще до Пlesa?

— Завтра утром прибудем, Бато! — гаркнул Ермолай, не отрываясь от дела. — Шел бы ты обратно на нос! Нечего шататься, парням под руку лезть. Толку от твоих глаз, когда у тебя в башке все кругом ходит?

Бато безрадостно усмехнулся, признавая правоту сотника. Плотнее запахнувшись в промокший плащ, он попытался выхватить взглядом шедшую позади третью ладью, но в сгущающихся туманных сумерках ее очертания угадывались очень смутно.

Полукровка знал, что всего по реке идут шесть небольших плоскодонных кораблей. Как ему растолковали северяне, только на таких ладьях можно было идти по неверному руслу, не опасаясь, что какой-нибудь каменистый выступ просадит днище насквозь.

Корабли шли строго друг за другом, Ермолай руководил вторым в общей цепи. Идущее позади судно уже превратилось в размытый силуэт, едва различимый на фоне почерневшего леса. Оно то появлялось, то снова исчезало в тумане, словно призрак. Головная ладья так и вовсе растворилась в окружающей черноте. О ее присутствии можно было догадаться лишь по мерному плеску весел, который временами прорывался сквозь речной гул.

Сплюнув от досады за борт, Бато медленно двинулся назад к своему посту, а его мысли унеслись в ту ночь, когда такие же зябкие, дождливые сумерки опускались на предместья степного города Маджар.

Именно туман и дождь спасли тогда полукровку от неминуемой казни. Под их прикрытием он бесшумно подобрался к стойлу. Бато много лет охотился на конокрадов, а потому хорошо знал все их приемы. Еще днем он натерся собранным возле стойла конским навозом, чтобы лошади ржанием не выдали приближения чужака.

Облив водой из колодца заднюю стену стойла, Бато за пару часов усердной работы ножом выскоблил глину и перерезал прутья лозы между несущими столбами. Пробравшись внутрь,

полукровка обвязал ветошью копыта двух приземистых кобыл и бесшумно вывел их наружу через проделанное отверстие.

Добравшись до наименее охраняемого выезда из города, Бато отыскал глазами огромный караван, готовившийся к отходу в сторону Северных княжеств. Здесь были десятки груженых доверху телег и не меньше сотни разномастных слуг и охранников. Полукровка подгадал момент, когда караван начал растягиваться, и нагло пристроился к группе погонщиков, которые вели запасных лошадей в самом конце обоза.

Бато натянул малахай пониже на глаза и сгорбился в седле, принимая равнодушный и усталый вид, но сердце в груди стучало как бешеное, когда караван поравнялся с заставой Орды. К счастью, дозорные нукеры не обратили никакого внимания на очередного замызганного оборванца, и полукровка облегченно выдохнул, когда Маджар остался за спиной.

Несколько дней Бато терпел медленный ход каравана, увязавшего в осенней распутице. Во время очередной ночевки он улучил момент, разобрал гнилой плетень постоянного двора и покинул стоянку.

Чтобы избежать ордынских разъездов, Бато свернул с наезженного пути и углубился в чащу. Одна кобыла занемогла и пала, не выдержав долгого перехода, во время стоянок вокруг выли волки, но полукровка упрямо продолжал ехать звериными тропами, стараясь избегать крупных сел.

Когда следопыт наконец увидел на горизонте очертания Струга, столицы удела, силы его были уже на исходе. Последние несколько верст он шел пешком, ведя исхудавшую кобылу под уздцы. Полукровке пришлось провести перед воротами крепости-детинца еще добрых полчаса, прежде чем к нему спустился воевода Яромир, но после их встречи долгих расспросов и проверок не потребовалось.

«Черный воевода» хорошо знал Бато, тем более что момент для возвращения тот выбрал самый подходящий. Осенний поход за полуторной данью и лесная охота за древним злом обошлись Стругу слишком дорого. Два десятка дружинников, включая сразу двух десятников, погибло в бою и позже от полученных ран. Вдвое больше были ранены, и не все из них смогли вернуться в строй.

За зиму Яромир успел многих собрать под знамена малолетнего князя Глеба Юрьевича, увеличив дружину с восьмидесяти до без малого двух сотен бойцов. Для затерянного в северных лесах удела это была крепкая рать, способная нагнать страху на любого соседа. Но пятьдесят из них остались охранять детинец, а из тех полутора сотен, что отправились в пореченские уделы, почти две трети составляли новобранцы.

Эти люди уже научились держать стену щитов во время тренировочных боев, но немногие из них видели, как летит в лицо настоящая сталь. Дружине позарез нужны были опытные бойцы, способные взять за шкуру этот разношерстный сброд из разорившихся боярских детей, бывших разбойников и землепашцев, чтобы в кратчайшие сроки сковать из них подобие войска.

Но и наличие ветеранов не было залогом того, что вчерашние смерды не побегут при первой же опасности. Ответ на этот вопрос могла дать только битва.

Бато стряхнул с себя тяжелые мысли и огляделся. Он был на носу. Стемнело настолько, что река превратилась в колышущееся иссиня-черное полотно. Злой ветер приутих.

С третьего корабля, на котором был сам «черный воевода», донесся протяжный сигнал рога, и полукровка почувствовал, как ладья начинает постепенно забирать чуть правее, по направлению к ближайшему песчаному мысу.

Спустя несколько мгновений с правого берега ответил отдаленный рог сотника Савы. Все то время, что длился поход Яромира в пореченские уделы, он со своими тридцатью людьми шел за судовой ратью по высокому берегу, ведя всех лошадей дружины.

Конная рать Савы шла налегке, без доспехов и запасного оружия, которые ехали рядом по воде. Всадники были глазами и ушами войска на суше. Они непрерывно осматривали побережье, готовые в любой момент предупредить судовую рать о засаде.

Наступал момент, которого Бато ждал весь этот бесконечный день. Другие дружинники в лодке тоже заметно оживились, предчувствуя близость отдыха. Мысли о горячей каше и предстоящая возможность просушить одежду у костра придавали им сил.

Совсем скоро ладьи подойдут к берегу, и судовая рать объединится с конной. Вместе они соорудят лагерь, поужинают и заночуют, предварительно выставив по периметру дозоры. Под ногами наконец окажется неподвижная суша.

В этот момент откуда-то спереди раздался приглушенный туманом вопль. Послышался плеск, будто в воду уронили бочку. Вопль сорвался на визг и тут же задохнулся утробным бульканьем.

Вслед за криком над рекой разнесся целый хор испуганных и яростных голосов. Люди орала вразнобой, голоса звучали дико, искаженно. Туман скрадывал направление, но звуки явно раздавались со стороны, где шла головная ладья.

Гребцы на корабле Ермолая испуганно замерли, сбившись с ритма. Весла зависли над бурой пеной, и поток тут же начал закручивать ладью вдоль своей оси. Мгновенно отреагировав, Ермолай рявкнул сзади на своих людей, перекрывая шум реки:

— А ну не спать, смерды! Держать курс! Бато, дуй на нос! Живо разберись, что там!

Не дожидаясь повторного окрика, следопыт вскочил на ноги и в два прыжка преодолел расстояние до носа корабля. Ноги снова поехали по залитым водой доскам, но он удержался, намертво вцепившись в борт.

Острые глаза полукровки вцепились в туман, из которого продолжали доноситься крики. Наконец мутное марево на мгновение надорвало порывом ветра, и Бато похолодел от увиденного.

Шагах в пятидесяти от них головная ладья встала на дыбы. Массивное сосновое судно, забитое людьми и припасами, медленно, но неумолимо заваливалось на обращенный к берегу правый борт.

Гребцы накренившегося корабля лезли налево, давя друг друга. Звериный страх гнал их туда, чтобы спастись от прибывающей студеной воды и уравновесить крен. Но это не помогало.

Что-то чудовищно сильное, скрытое под бурлящей речной пеной, с легкостью преодолевало сопротивление человеческих тел, продолжая тянуть правый край вниз.

Те, кто пытались удержаться за скамьи или ящики с припасами, повисли под наклоном. Некоторые из них не удержались и уже сползли прямо в прибывающую бурю жижу. Брошенные на произвол судьбы весла бились о волны, ломая уключины.

Все незакрепленные вещи — бочонки с рыбой, мешки с сухарями, оружие и доспехи — с грохотом съезжали и катились по настилу к правому краю. Это еще сильнее кренило лодку и распяляло панику на борту.

Вода уже начала переливаться через край, грозя в считанные секунды пустить ко дну корабль вместе со всем дружинным железом и двумя десятками бойцов.

— Головная тонет, Ермолай! — заорал Бато в сторону кормы. — На бок накренилась, скоро вода польет!

— Поворачивай! — зарычал сотник на рулевого и повернулся к гребцам. — А ну налегли на весла!

Гребцы заработали с удвоенным усердием, понимая, что в ледяных волнах их товарищам грозит быстрая смерть от холода. Ладья Ермолая, повинувшись рывку весел, отвернула от берега и ускорила. Но не успела она пройти и десятка шагов, как накренившийся корабль с оглушительным грохотом обрушился обратно на полотно реки.

Удар был такой силы, что поднявшаяся волна едва не опрокинула судно Ермолая. От страшного толчка люди на злосчастной ладье, до последнего цеплявшиеся за левый борт, горохом посыпались в воду.

Бато, впившись взглядом в воду за бортом, ждал, когда над волнами покажутся головы воинов, но попадавшие в реку люди просто исчезли, будто их и не было. Ни один из них не показался на поверхности снова, даже чтобы глотнуть воздуха.

Не прошло и минуты, как ладья Ермолая навалилась краем на опустевшее судно. Дружинники зацепили его баграми, не давая закрутиться в бурном потоке.

— Левый борт, гребите назад! Правый — держите на воде! — сорванным голосом заорал Ермолай своим гребцам. — Не дайте нас скрутить, не то обе ко дну пойдут! Старшие, Бато, за мной!

Подгадав момент, когда корабли сошлись вплотную, сотник вместе с Бато и еще несколькими ветеранами перемахнул на пустую ладью. Оставшиеся на скамьях гребцы Ермолая заработали в разные стороны, чтобы удержать сразу два судна прямо на течении.

Под сапогами Ермолая и Бато захлюпала грязная вода. Палуба была усыпана разбитыми ящиками и рассыпанным походным снаряжением, но людей на ней не было.

— Все к бортам! Шесты в воду! — отрывисто гаркнул Ермолай.

Повинуясь приказу, дружинники разбежались в разные стороны, на ходу хватая со дна длинные, в два человеческих роста, шесты. Свесившись наружу, они начали шарить шестами вокруг корабля, пытаясь вытащить тех, кого течением могло затянуть под днище.

Проведя несколько минут в тщетных попытках спасти хоть кого-то, ошарашенные северяне застыли, не зная, что делать дальше. Вокруг ладьи не всплыло ни одного тела. Спасать было некого. Люди просто пропали.

Глава 2. Немой берег

Полукровка пришел в себя оттого, что Ермолай крикнул ему прямо в ухо:

— Бато, дуй к борту! Передай на нашу, пусть багры снимают и тащат нас к берегу!

Полукровка рванулся вперед, с трудом удерживая равновесие на качающемся и скользком настиле. Добравшись до края, он перегнулся и заорал прямо в туман, где угадывались контуры корабля:

— Эй, на ладье! Багры долой! К берегу тяни нас! Ермолай велит!

Спустя несколько мгновений сквозь туман донесся приглушенный отклик старшего. Вслед за этим заскрежетало железо — это дружинники на ведущем судне начали вырывать наконечники багров из борта.

Освободившись от сцепки, ладья дернулась. Бато пришлось припасть на колени и ухватиться за край, чтобы не поползти вниз по накренившейся палубе. Похоже, что обезлюдевший корабль взяли на буксир.

— На весла! — услышал следопыт голос Ермолая из-за спины. — Бато, не торчи столбом, налегай!

Повинуясь приказу, полукровка вскочил на ноги и подлетел к ближайшей скамье. На соседних уже сидели двое ветеранов из его десятки. Остальные трое расположились на другом борту, а сотник, очевидно, взял на себя руль.

Наученный своим небольшим опытом жизни на воде, Бато сел лицом к корме, а не к носу, как казалось разумным на первый взгляд. Ухватившись за тяжелое сосновое весло, он налег всем телом, стараясь подражать движениям гребцов-северян.

Встречный напор воды едва не выбил рукоять из рук. Полукровка зло выругался и посильнее уперся ногами, чтобы удержать весло. Корабль заскрипел, натужно разворачиваясь против течения, но пополз-таки к спасительному берегу вслед за ладьей, тащившей его за собой.

Песчаный мыс вырос из тумана внезапно, когда буксирующая ладья почти заскочила на него. Остальные четыре корабля уже успели укрыться в тихой воде у побережья. С глухим шуршанием ведущее судно напозло на прибрежную гальку, а вслед за ним на мелководье зашла и злосчастная ладья.

Полукровка опустил весло. Руки мелко дрожали от напряжения, онемевшие пальцы свело легкой судорогой от непривычной работы.

Вокруг уже кипела работа. Дружинники с других кораблей и из конного отряда Савы вовсю готовили плоскодонные корабли к посадке на берег. Стоя по колени в ледяной воде, они выстраивали дороги из бревен-катков.

Перегнувшись через кромку, Бато спрыгнул за борт. Студеная влага обожгла ноги, но полукровка лишь скрипнул зубами от боли и уперся плечом в борт рядом с северянами. Корабль неохотно пополз по каткам вперед, гулко скрежеща.

Через несколько минут тяжелой работы все шесть ладей выстроили на песчаном пятаке полукругом, борт к борту. Теперь их толстые сосновые корпуса служили дружине крепостной стеной, защищающей от внезапного налета со стороны воды. Корма каждого корабля осталась на воде, чтобы при необходимости можно было быстро столкнуть их обратно и покинуть сушу.

Позади этого оборонительного рубежа, укрытые от кусачего речного ветра, воины уже вовсю обустраивали ночлег. Пока одни занимались кострами, таская из ближайшего леса лапник, другие распрягали и готовили к ночи лошадей, приведенных по берегу отрядом Савы.

Бато, наконец выбравшись на сухой песок, как мог отжал подол плаща. Рядом с ним на берег вышел Ермолай, весь мокрый и злой. Сквозь шум вечерней подготовки следопыт

услышал знакомый тяжелый шаг, сопровождаемый звяканьем железа. К вытасненным на берег судам вышел воевода Яромир.

Ширококостный и грузный, воевода сильно прибавил в седине после похода за полуторной данью в прошлом году. Его лицо было обезображено черными ожогами — вечным напоминанием о битве, прошедшей на Красном Урочище. Несмотря на возраст, лишний вес и мокрый песок под ногами, воевода шел уверенно и ходко.

— Ерема, — негромко, но властно окликнул Яромир, и его низкий голос сразу заставил окружающих притихнуть. — Живой?

— Жить буду, отец воевода, — хмуро ответил сотник, вытирая лицо рукавом. С его плаща все еще текла речная вода.

— Рассказывай, — прогудел воевода, оглядывая Ермолая.

— Крик с головной ладьи услышали, истошный, будто кого режут. Туман сильный был, но Бато с носа углядел, что накренилась она вправо, так что левый борт аж задрало. Люди там полезли налево, пытались выровнять, да только без толку.

Яромир молча перевел взгляд на следопыта, и тот торопливо кивнул, подтверждая слова сотника.

— Мы на весла налегли, сразу к ним пошли, — продолжал Ермолай. — Тут их опрокинуло обратно, волной нас подняло. А на той люди за борт повыпадали. Мы подошли вплотную, баграми зацепились, шестами по дну шарили. Но никто не выплыл, словно топоры ко дну пошли. Мы на буксир ладью взяли, сели на весла и к берегу пригнали. Вот и весь сказ.

Выслушав сотника, Яромир ненадолго замер, вглядываясь в темноту над гудящей рекой. Наконец он повернулся к другим сотникам, подошедшим за это время к берегу.

— Сава, — отрывисто скомандовал воевода. — Дозорных на берег, через каждые пятьдесят шагов. Пусть выберут места поуक्रमнее.

Приземистый, широкоплечий сотник Сава молча кивнул и растворился в темноте. Яромир же развернулся обратно к Ермолаю:

— За мной. Бато, ты тоже.

Они подошли к злополучной ладье. Воевода обошел корпус и положил широкую ладонь на правый борт — тот самый, что неведомая сила почти затащила под воду. Он жестом потребовал света, и дружинник с факелом подошел поближе. Неверный багровый отблеск выхватил из черноты сумерек сосновые доски обшивки.

Сияясь понять, что привлекло внимание командира, Бато шагнул ближе и похолодел. На кромке соснового борта виднелись глубокие царапины, не меньше дюжины. Они шли друг за другом, будто гигантская лапа зацепила корабль за кромку и наклонила его вниз. Из разорванных древесных волокон сочилась зеленоватая слизь, распространявшая вокруг душливый рыбный запах.

— Бато, — обронил Яромир. — Ты на носу был. Рассказывай, что это такое.

— Ладью сильно зацепило, воевода, — ответил полукровка с легким степным акцентом, старательно выговаривая северные слова. — Заливать начало. Думал, что бревно колом встало на дне — а теперь и не знаю. На краю ничего не было. Темно было и туман сильный, но я во все глаза смотрел — ничего не было.

— Сколько душ не досчитались, Ерема? — спросил воевода, развернувшись к сотнику. — Кто на ладье шел?

— Семнадцать человек, отец воевода, — мрачно проговорил Ермолай. — Из ветеранов двое — Кузьма да Якун хромой, остальные все новобранцы из зимнего набора. Боярского сына Судишу туда же определили, он десятку вел. Может стоило мне остаться и искать тела?

— Верно ты все сделал, Ерема, — глухо сказал Яромир, немного помедлив. — Ничего бы ты не нашел. Дай своим отдых и сам поспи. Завтра собирай оружие и доспехи с ладьи. Меж

своих разделы. С каждой десятки выдели людей на пустой корабль. Будет не хватать — иди к Тереху и Илье.

Воевода круто развернулся и зашагал обратно в лагерь. Ермолай и Бато последовали за ним в сторону своих ладей. Рядом с ними уже развели костры, возле которых грелись притихшие новобранцы. Они то и дело оборачивались на любой шум, доносившийся из тумана со стороны реки.

Полукровка подошел к костру и остро почувствовал, насколько устал. Пальцы на ногах и руках у него окончательно задервенели, так что даже перестали ныть. Чтобы разогнать кровь, Бато присел поближе к пламени, снял сапоги и принялся растирать замерзшие ступни.

Когда пальцы отогрелись и снова заболели, он достал из-за пазухи кусок старой, жесткой конины, отрезал ножом небольшую полосу и принялся медленно жевать. Опыт жизни в степи научил его, что если есть возможность поесть и поспать в тепле, то ее надо использовать всегда.

Насытившись, полукровка повесил просушиться личные вещи и разложил вокруг себя оружие. Короткий степной лук в берестяной обертке он положил по левую руку, а поясной нож — по правую. Завернувшись в сырой плащ и надвинув малахай на глаза, он улегся у огня на земле между катками лады. Усталость быстро взяла свое, и следопыт провалился в мутное забытие.

Сон Бато оборвался так же резко, как и начался. Над лагерем пронесся гулкий сигнал рога. Полукровка вскинулся на локте. Вокруг не было видно ни зги.

— Тревога! К оружию! — долетел из темноты крик кого-то из десятников.

Лагерь мгновенно вскипел. Со всех сторон забежали испуганные новобранцы, чертыхаясь, суматошно путаясь в плащах и сталкиваясь друг с другом.

Бато пришел в себя куда быстрее. Он без раздумий подхватил оружие и сходу перемахнул через каток лады. Следопыт сориентировался уже на бегу и определил, что звук рога исходил от места, где песчаная отмель переходила в лес. Трубить мог только часовой или чужак, пришедший со стороны леса.

Подлетев первым к месту, откуда раздался сигнал, Бато не увидел никого, кроме одинокого дозорного. Тяжело дыша и вылупив глаза от ужаса, тот стоял на одном колене, развернувшись лицом к воде. Заряженный лук в его руках ходил ходуном.

Топот сапог за спиной заставил Бато обернуться. Дружинники прибывали на место, и среди первых через прибрежные заросли проломился сам воевода. Несмотря на внезапность, он не выглядел разгоряченным.

— Что тут, малой? — отрывисто спросил Яромир у дозорного, напряженно обводя взглядом окрестности. — Кого увидел?

— Никого не видал, батько воевода — пролепетал молодой парень, косясь на чернильную гладь реки. — Сначала кони захрапели, да так дико, будто медведя почуяли. А потом с реки как понеслось

— Что понеслось? — терпеливо спросил воевода, на ходу жестами отправляя двойки дружинников во все стороны.

— Прости, батько! — запричитал новобранец. — Не знаю я, что это такое! Зашлепало из реки, будто идет кто-то! А потом как зачавкало, загудело! Как из живота, когда послабится хочешь! И все громче, громче, прямо на меня. Я и затрубил

— Терех, бери своих и проверь весь берег вокруг, — коротко бросил Яромир. — Бато, ты с ними.

Крепкий, юркий сотник Терех согласно кивнул воеводе. Он подмигнул Бато, словно и не спал несколько минут назад, и уверенно направился вместе со своими людьми вдоль берега. Следопыт догнал отряд и пошел первым, держа лук наготове.

Бойцы Тереха шли сзади с оружием наперевес, высоко держа факелы. Дрожащий багровый свет бросал длинные тени на воду, но не выхватывал из окружающей черноты ничего примечательного.

Только у самого края леса, где песок и галька сменились каменистым берегом, Бато остановился и задержал северян за собой. Следопыт почуял остаток той же вони гнилой рыбы, что он уловил у борта едва не опрокинувшейся ладьи, однако запах быстро рассеялся и пропал.

Дальнейший поиск ничего не дал. Терех, выругавшись, повел дружинников обратно к кострам. Бато тоже вернулся к своему кораблю, но остаток ночи его сон был рваным и тревожным. Ему постоянно чудилось, что река вокруг поднимается, затопливает лагерь дружины и всех его обитателей.

Рассвет на реке разбудил полукровку холодом замороженных костей. Туман над рекой поредел, но не ушел полностью. Первые лучи скупого весеннего солнца с трудом прошли его, не принеся с собой тепла.

Умывшись ледяной речной водой, чтобы согнать остатки скверного сна, Бато направился к северянам, которые уже трудились в поте лица. Воины тесали свежие сосновые доски, готовясь заменить те, что были повреждены на ладье. Подобрал неудобный плотницкий топор, полукровка присоединился к ним.

Вырубив поврежденные куски, дружинники приладили новые доски, связав их вместе березовыми побегам. Сверху швы щедро залили подогретой до кипения смесью из смолы и дегтя. В завершение из соседней ладьи притащили взамен поломанных весел несколько новых. Через час изувеченный корабль был снова готов к воде.

Когда со смоленых бортов отремонтированного корабля перестали капать излишки дегтя, к Бато подошел Ермолай и жестом позвал его с собой. Пройдя в центр лагеря, полукровка оказался на военном совете, где Яромир раздавал приказы о предстоящем заходе в пореченский город.

— В Плес пойдем так, — спокойно и обстоятельно начал воевода. — Впереди пустим ушкуй. На нем ты, Илья. Возьмешь пятерых и Бато. Пойдете тихо, под самым берегом. Ищите засады на изгибах и перегоры. Если бревен навалено поперек реки или стрелы полетят — в рог трубите и отходите.

— Ерема, Терех, — воевода перевел взгляд на сотников. — Ваши ладьи за Ильей цепью. На подходе к посадке поднимайте щиты в замок на борта. К городу чтобы все наготове были.

— Сава, — Яромир повернулся к командиру конницы. — Поведешь своих верхом. Лишних лошадей оставь с дозорными. На рожон не лезь, жди снаружи. Если по нам стрелы полетят — заходи в Плес с тыла. С Богом!

Повинуясь приказу воеводы, сотники разошлись к своим отрядам, и лагерь пришел в движение. Воины принялись споро грузить обратно на корабли берестяные короба со стрелами, бочки с припасами и прочий войсковой скарб.

Когда корабли были загружены, дружинники навалились на борта, и шесть плоскодонных ладей одна за другой сошли с катков обратно в мутную речную воду. Тридцать всадников Савы двинулись цепочкой вверх по крутому береговому склону, скрываясь в прибрежном ельнике.

Молодой Илья вместе с Бато и еще пятью ветеранами поднялись на ушкуй — небольшую юркую лодку, предназначенную для дерзких набегов на береговые поселения. Рослый десятник оттолкнулся от берега, и ушкуй устремился вперед. Вслед за ним, медленно разворачиваясь в цепь, двинулась основная судовая рать.

Туман уступал место пронизывающему до костей ветру, но видимость на реке все еще оставалась скверной. Из-за этого ушкуй шел по течению медленно, без помощи гребцов, направляемый лишь рулем десятника. Затопленных бревен-заграждений не попадалось, но река была подозрительно пустой.

Бато знал, что в короткое окно между ледоходом и весенним паводком приречные села охватывала рыбацкая лихорадка. Едва река очищалась от льдин, рыбаки высыпали на воду, спеша перехватить идущие на нерест полчища рыбы. В эти две-три недели рыбалка шла день и ночь, но сейчас на воде не было ни единой рыбацкой лодки, ни одной сети или запруды.

Обернувшись на идущие вслед ладьи, следопыт заметил, что дружинники начали готовиться к штурму. Они подняли щиты, уложив их внахлест друг на друга вдоль бортов. Над краем ближайшей ладьи выросла стена из окованного железом дерева, из-за которой видны были только верхушки шлемов.

Судовая рать медленно прошла последний поворот. Полукровка наложил стрелу на тетиву и покрепче сжал зубы, готовясь прыгнуть с ушкуя на мелководье. Но Плес встретил северян мертвой тишиной. Лишь оборванная баба, тащившая деревянные ведра, завидев с холма корабли, испуганно взвизгнула и припустила в гору.

Прибрежная столица одного из пореченских княжеств, раскинувшаяся под холмом, дышала упадком. Город казался полумертвым, словно после ордынского набега или мора. Из сотни серых бревенчатых изб половина стояла с заколоченными дверями, а лодки рыбаков болтались бесхозными в волнах на причале.

Когда корабли с тяжелым шорохом уткнулись носами в гальку заброшенной пристани, дружина в недоумении начала осторожно сходить на берег. Яромир в окружении группы ветеранов во главе с Ермолаем и Бато направился по тропе, круто уходящей вверх к князьему двору.

Малая крепость-острог, венчавшая холм, на котором стоял город, выглядела не лучше, чем расстилавшийся внизу посад. Сосновый частокол, окружавший острог, местами просел и развалился от сырости. На смотровых вышках не было дозорных.

Княжий двор встретил дружину таким же запустением, как и все вокруг. «Хоромы» местного правителя представляли собой почерневший от дождей и туманов терем с худым крыльцом и покосившейся дверью. На площадке перед ним были заняты работой несколько простолюдинов.

При виде грозной рати, заполнившей двор, смерды попятились и испуганно зашептались. Яромир, опустив щит, подошел к самому крепкому из них, который отложил в сторону топор.

— Здорово, Яромир, — произнес мужик, спокойно глядя в глаза воеводе.

— Здрав будь, княже Давыд, — ответил северянин.

Глава 3. Живой оброк, мертвый откуп

Яромир зашел вслед за хозяином в темные, пахнувшие сыростью внутренности терема. Князь Давыд удобно устроился на одной из скамей возле длинного стола, направив умный взгляд из-под рыжих бровей на воеводу. Яромир, громыхнув кольчугой, опустился на скамью напротив. Он мельком оглядел пустые, покрытые пылью углы терема.

— Как дела в твоём уделе, княже? — спросил воевода. — Плес словно после великого мора или ордынского набега стоит. Кузницы не дымят, рыбаки на реку не выходят. Смердов не видно.

— Встал промысел у нас, Яромир, — хмуро ответил князь, уставившись на дверной проем. — На воду, считай, совсем не выходим. Люди даже подойти к берегу бояться, не то что невод закинуть или запруду поставить.

— Речные разбойники шалят?

— Если бы, — вздохнул Давыд. — С разбойниками договориться смогли бы, а тут не пойми что лодки топят и мужиков на дно утаскивает. На днях рыбак Малко пошел на своей невод ставить у Исакова омута. Только на сто шагов отошел, как его челнок будто что-то ударило снизу. Он в воду рухнул и не всплыл больше. А Малко был пловец знатный, реку мог переплыть туда и обратно, не запыхавшись.

Яромир слушал молча, но лицо его мрачнело с каждым услышанным словом.

— Голод не тетка, смельчаки продолжают выходить на реку, — продолжал князь. — Вчера вот еще двое с ближнего плеса еле ноги унесли, лодку едва не перевернуло. Что-то под водой сидит, Яромир, может водяной завелся у нас. Да только водяной ночью обычно злобствует, а этот и света не боится.

— Извести своего водяного пробовали?

— Пробовали, да только как его изведешь, если он корабли топят? — с горечью в голосе ответил вопросом на вопрос Давыд. — А с берега его не достанешь. Старики наши говорят, что приходил он уже раньше к нам, тогда помогало мясо вешать по бортам.

— Так забивайте скот да вешайте, — возразил Яромир. — Еще неделя, и весенний нерест пропустите.

— Рад бы, воевода, да нет в Плесе скота. Последнюю молочную корову забили еще перед первой оттепелью, чтобы не издохла сама от старости.

— Вижу я, что бедствует твое княжество, Давыд, — прогудел воевода, глядя мимо князя. — И я тут не затем, чтобы последнее у тебя отобрать. Князь Глеб Юрьевич еще мал годами, но за ним уже полторы сотни копий стоит под моим началом. А этой осенью и пайцзу от Орды он получил. Поклянись ему в верности. Удел мы твой поднимем, и степняки больше не придут с набегом.

Давыд долго молчал, опустив взгляд. Наконец он тяжело вздохнул и с силой грохнул мозолистой ладонью по столу.

— Видать, Господь указывает, если выбора мне не оставил. Согласен я, воевода, твое слово теперь мое слово. Даст Бог, Глеб Юрьевич не забудет верность Плеса, когда войдет в силу.

— Добро, — удовлетворенно кивнул Яромир. — А раз уж мы теперь вместе, Давыд, мне от тебя нужны люди.

Давыд хрипло рассмеялся.

— Где же мне тебе людей достать, Яромир? Что покрепче мужики еще прошлой осенью ушли на дальние промыслы или к тебе в Струг сбежали от голода. У самого из ополчения только слуги да мужики с топорами.

— Понимаю, Давыд, но и ты меня пойми. О многом не прошу, дай сколько есть.

Князь закричал и поднялся со скамьи.

— Будь по-твоему, Яромир. Пойду соберу пригородных старост — по дворам пройдуся, спросят, может кто из молодых захочет пойти с твоей дружиной. Только не жди, что с оружием или доспехами придут. Железа доброго у нас давно не куют, а старое погнило да иступилось.

— Оружие с меня. Появилось лишнее на днях, — хмуро ответил воевода, поднимаясь следом. — И пусть старосты потарапливаются, Давыд. Время не ждет.

Яромир вышел наружу к своим людям и тут же скомандовал двигаться обратно к кораблям. Спустившись к пристани, воевода отпустил Ермолая с наказом взять на себя управление дружиной, а сам нашел глазами крайний костер. Подойдя поближе, он тяжело опустился на бревно рядом с сухим человеком небольшого роста в черном шелковом халате, расшитом серебряными журавлями.

— Как тебе нравится Север, мудрец? — с иронией в голосе спросил человека Яромир.

— У богов, безусловно, прекрасное чувство юмора, почтенный нойон, — с тонкой улыбкой ответил собеседник воеводы. — Не окажи вы мне услугу при дворе наместника хана, моя голова уже красовалась бы на пике. Поэтому любые тяготы, которые я перенес и еще перенесу в этом путешествии — это благо, дарованное мне свыше.

Воевода рявкнул, как медведь, и гулко расхохотался. Отсмеявшись, он вытер слезы и вновь повернулся ко все еще улыбающемуся чужестранцу.

— Хорошо сказано, Шэнь, — отметил Яромир. — Но давай к делу. Есть ли в твоих свитках что-то о существе, которое корабли бьет и людей на дно тащит?

— В ханьских трактатах по демонологии есть много подобных существ, почтенный нойон, — ответил Шэнь. — Например, Цзяолун. Это огромное существо, которое живет в глубине вод и питается людьми. Оно способно перевернуть даже средней руки судно одним ударом хвоста. Но ему больше по душе глубокие водоемы. А есть Шуйгуй, призрак утопленника, который не отходит далеко от места гибели своего тела. Шуйгуй затаивается на этом месте, может напасть там на рыбака или рыболовецкую лодку.

— Местный князь говорит, что мясо по бортам спасает от нападения.

— Эти слова местного нойона очень ценны, почтенный. Они означают, что это существо имеет плотное тело и плотоядно. Это сильно сужает наш выбор, но все еще недостаточно для того, чтобы я мог судить о нем уверенно. Чтобы понять его истинную природу, узнать слабости и найти верное оружие — такое, каким вы одолели Ку-Шу — вам нужен образец. Если ваши воины найдут следы его пребывания, кусок плоти, чешуи или даже каплю крови — этого будет достаточно, чтобы я мог определиться. Без этого вам придется вести бой вслепую, надеясь на удачу.

Воевода провел некоторое время, обдумывая услышанное. Наконец он поднялся от костра, признательно похлопал ханьца по спине и направился в сторону дружинников, которые уже обустроились в Плесе.

На пустующей ныне без купцов торговой площади Яромира уже поджидал князь Давыд вместе с дюжиной совсем еще молодых парней. Зрелище было безрадостным. Смерды явно недоедали уже не первую неделю. Их безусые лица побледнели и осунулись, под глазами залегли мешки.

Ополченцы не имели даже простого доспеха, лишь двое из них носили плотные стеганные тегиляи, способные удержать разве что удар палкой. Вооружено было это воинство плотничьими топорами и тремя самодельными рогатинами.

Воевода степенно прошелся мимо неровного строя ополченцев. Под его взглядом юнцы начали теряться и ронять глаза в землю. Увидев все нужное, Яромир всем телом развернулся к сотникам.

— Ермолай, Сава, Терех! Забирайте. Раскидать между вашими десятниками. Обуть, одеть, железо выдать. К каждому дядьку приставить. Разуму учить, в обиду не давать.

Сотники споро подтянулись к новобранцам, разбирая лучших, на их взгляд, претендентов. Распределив их между десятками, послали дружинников на поврежденную ладью. С нее воины притащили доспехи и оружие тех бойцов, что утонули в реке.

Каждому новичку выдали круглый щит с оковкой и железный шлем, кое-кому достались кольчуги. Неуклюжее крестьянское оружие сменилось боевыми копьями и легкими топорами с длинными древками.

Яромир бегло окинул взглядом наспех снаряженных ополченцев. Получив настоящее оружие, они все еще выглядели неуклюже, но ощутимо приободрились. Воевода улыбнулся в бороду — железо в руках всегда укрепляло веру мужчин в себя. Пришло время проверить их в деле.

— Сава! — отрывисто позвал Яромир. — Седлай лошадей на всю дружину. Ерема, Терех! Оставьте три десятки в Плесе. Остальных в седло, зеленых тоже, пусть учатся. Идем на охоту.

Площадь наполнилась шумом сборов и ржанием лошадей. Не прошло и получаса, как больше сотни воинов в полном боевом облачении выехали из посада в сторону леса, вытянувшись в длинную колонну.

Когда отряд достаточно углубился в чащу, Яромир подозвал к себе сотников и на ходу начал раздавать указания:

— Сава, ты лучший стрелок в дружине. Выбери себе сорок справных лучников. Выставь в лесу вдоль берега. Следи, чтобы тихо сидели. Мы погоним зверя на вас. Как заметите — бейте без команды.

Сава молча кивнул и поехал рядом с колонной, высматривая мастеровитых стрелков. Через несколько минут вереница его стрелков отделилась от основной массы и свернула в сторону реки.

— Ерема, Терех, — продолжал тем временем Яромир. — Зайдем глубоко в лес. Как Бато заметит стоящую цель, возьмете по двадцатке. Ерема, встанешь справа, Терех слева, я в центре. Зеленых разделим между собой. Стройтесь широкой цепью, по десять шагов между. Идти ровно, коней не гнать.

Сотники разошлись к своим людям, а воевода нашел взглядом Бато, который ехал почти в самой голове колонны. Полукровка часто сходил с тропы, спешивался и припадал на колени, разглядывая влажный мох под ногами.

Наконец, спустя полчаса, Бато окончательно замер и замахал руками воеводе, подзывая того ближе.

— Олени, — вполголоса произнес следопыт, обернувшись к Яромиру. — Много. Стадом прошли, пятьдесят голов. Помет свежий, еще дымит. Шагов триста.

Полукровка указал направление, куда направилось стадо. Яромир негромко окликнул сотников и жестами приказал им начать растягивать людей. Всадники начали медленно раздвигаться в стороны и вскоре цепь загонщиков вытянулась по лесу широкой дугой.

Дружина успела пройти едва ли четверть версты, когда левый край уперся в глухой завал из бурелома. Кони на ходу начали хрипеть и пятиться, наотрез отказываясь идти в колючую гущу.

В этот момент из самого центра завала раздалось яростное визжание, быстро перешедшее в свирепое шелканье. Вслед за ним из кустов с треском вырвалось стадо кабанов — огромная матка и три матерых, клыкастых самца-секача.

Ослепленные паникой звери пошли напролом через строй, где вперемешку со струговцами стояли новобранцы из Пlesa. При виде несущегося на него самца, один из них в ужасе выронил копьё и неумело попытался развернуть мерина назад.

— Стой, гад, куда?! — заорал Терех, на ходу спрыгивая с седла.

Еще секунда и секач снес бы паникующую лошадь новобранца, но ловкий сотник опередил его, подлетев с копьём наперерез. На подходе он упер древко в землю и кабан налетел на

него всем телом. По бору разнесся хруст рвущейся плоти. Напор секача был таков, что Тереха протащила добрых три шага назад.

В этот же миг матка и два оставшихся самца свернули и помчались вдоль загонщиков, ища прореху в строе. Один из дружинников попытался на ходу всадить копьё в несущегося мимо зверя, но наконечник лишь скользнул по жесткой шкуре.

Бато быстрее остальных сообразил, что происходит. Слетев с седла, он припал на колени и подгадал момент, когда один из секачей окажется перед ним.

Степная стрела хищно свистнула и тяжело ударила кабана точно в шею. Тот удивленно хрюкнул и завалился на бок, бешено суча копытцами.

— Бей под лопатку! — рявкнул Яромир, пришпорив коня.

Подоспевшие ветераны подлетели на конях к раненому зверю. Не рискуя сближаться, они прямо с седел начали бить копьями и вскоре яростный визг самца затих.

Воевода же на своем жеребце пошел наперерез самке. С удивительной для своих габаритов ловкостью он свесился с седла и рубанул саблей по толстому загривку. Кровь брызнула на талый снег, но матка не прекратила свой бег.

Резко сменив направление, самка вместе с оставшимся в живых самцом прорвалась через поредевший строй загонщиков и умчалась вглубь леса, оставив разгоряченных всадников ни с чем. Снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь надсадным дыханием дружинников и фырканием испуганных коней.

— Столбом не стой! — скомандовал Яромир, отирая рукавом пот со лба. — Добивай и на седла вяжи!

Дружинники для верности вскрыли глотки убитым зверям и, кряхтя от натуги, приторочили туши к крупам выючных лошадей. Ермолай с Терехом выровняли цепь загонщиков, и отряд продолжил движение, но теперь уже не таясь.

По приказу воеводы воины принялись шуметь во всю силу: оглушительно свистеть, молотить обухами топоров по деревьям и ладонями по щитам. Новобранцы из Плеса, подражая старшим, тоже кричали во все горло, выплескивая остатки страха.

Бато теперь двигался в седле, через каждые несколько десятков шагов свешиваясь вниз и отслеживая свежий след. Дружина приближалась к реке, ее равномерный гул уже начинал пробиваться через ватную тишину леса.

Наконец, спереди раздалась резкие, как хлопанья больших крыльев, хлопки тетив. Вслед за ними воздух на мгновение прорезал свист стрел. Лес огласился жалобными стонами и предсмертными хрипами.

Около десятка оленей, уцелевших после первого залпа людей Савы, выскочили назад на загонщиков, где те встретили животных ударами копий. Все было кончено за считанные мгновения. На свободу удалось вырваться только нескольким счастливым.

Собрав туши и пройдя еще сотню шагов, дружина воссоединилась. Добыча была богатой. Не меньше десятка оленей лежало, пронзенных северными стрелами, еще десятерых бойцы Савы искали меж деревьев, куда они ускакали ранеными.

— Добрая охота, братия, — удовлетворенно пробасил Яромир, оглядывая трофеи. — Собирай дичь. Возвращаемся в Плес.

К вечеру прибрежная отмель у Плеса окрасилась кровью. Развесив туши на крепких деревьях за задние ноги, воины вспороли брюшины и вывалили дымящиеся потроха в деревянные корыта.

Печень и жирные кабаньи головы сразу понесли к кострам. Везти их с собой в походе было невозможно, поэтому печень сразу обжарили, а головы закинули в котлы для сытного ужина и завтрака перед отплытием.

Пока одни дружинники потрошили туши, другие срезали подкожный жир и плавили его в котлах над огнем, превращая в прозрачную шипящую жидкость. Лучшие куски мяса нарезали

и долго вываривали, после чего укладывали на дно деревянных бочек, которые затем заливали кипящим салом.

При остывании сало превращалось в плотную белую корку, предохранявшую дичь от гниения на долгие недели пути. Приготовленное таким образом мясо разделили пополам между голодающим уделом и дружиной.

Костлявые хребты с висящими на них ребрами и хрящами пустили в дело для защиты от неизвестного речного врага. На них намеренно оставили лохмотья жил и вывесили на борта, которые тут же окрасились в багровый цвет.

Ночь в Плесе прошла спокойно, а на рассвете корабли тихо отошли от заброшенной пристани. Выстроившись в цепь, ладьи ходко пошли по течению вниз, следуя за легким ушкуем, на котором десятник Илья и Бато продолжали вести разведку.

Через несколько часов за очередным изгибом русла сигнал с ушкуя остановил флот северян. Разведчики резко уронили складную мачту небольшого суденышка, и ладьи тут же сбавили ход и бросили камни-якоря у лесистого мыса.

Тем временем ушкой продолжал скрытно двигаться вдоль берега к тому, что привлекло внимание следопыта. Река здесь делала крутой поворот, образуя тихую и затхлую заводь. Именно около нее нос Бато учуял столь знакомое ему сочетание запахов меди и человеческих нечистот. Чьи-то кишки были выпущены наружу, и совсем недавно.

Осторожно продвинувшись внутрь заводи, полукровка веслом отодвинул ветви, перекрывавшие дорогу. Чутье не обмануло. Совсем рядом с берегом, зацепившись за свисающие еловые лапы, на глади воды качалась дозорная лодка.

Дружинники подвели ушкой вплотную и Бато заглянул внутрь. Брови следопыта поползли вверх. Внутри лежали два тела, облаченные в северные кольчуги и шлемы, трупное окоченение изогнуло их в странных позах. Но не это поразило следопыта.

Из спины одного из убитых, пониже правой лопатки, рваным выходом торчал граненый наконечник заморского арбалетного болта.

Глава 4. Соль и сталь

Бато заметил ошарашенный взгляд Ильи, стоявшего на корме ушкуя. Молодой десятник застыл, глядя на мертвые тела. Его напряжение передавалось и остальным дружинникам, которые замерли на своих скамьях с веслами в руках.

— Что же это Водяной может? — неуверенно спросил Илья.

— Водяные не стреляют, — резонно заметил полукровка. — Пойду смотреть.

Бато ухватился за скользкий от речной тины борт дозорного челна и мягко перенес вес тела внутрь. Там он сразу присел на корточки, чтобы ощутить устойчивость, и мельком оглядел дно.

Вода внутри уже доходила до щиколоток. Задубевшие трупы северян лежали, как деревянные куклы. Трупное окоченение уже свело их пальцы, превратив руки в птичьи лапы.

Топор одного из погибших остался торчать за поясом. Подойти к дозорной лодке по воде было очень сложно, так что его, скорее всего, застрелили с берега, из засады. Второй посмертно зажал рукоять в руке, но его это не спасло.

Полукровка оглядел окрестности, складывая увиденное воедино. Погибшие стерегли реку, ожидая опасности с большой воды, но на лодку напали с берега. Били наверняка, не оставив дозорным шанса оторваться от берега.

Бато осторожно ощупал ближнего мертвеца. Кожа была холодной, словно речная галька, но под мышками еще сохранялось последнее тепло. Дружинника убили всего несколько часов назад. Стрелки могли все еще быть неподалеку. Нужно было уходить, но перед этим полукровка решил сделать еще одну вещь.

Растопырившись в лодке поустойчивей, он ухватил одной рукой древко того болта, что вошел неглубоко. Второй полукровка уперся в плечо мертвеца и резко дернул. Болт даже не шелохнулся.

Тогда следопыт сменил тактику, и с усилием провернул древко. Ткань кафтана порвалась с сухим треском, а древко, хрустнув, вылезло из холодной плоти. Рана выпустила из себя бордовый творог вместо крови.

Увесистый болт был длиной в полторы ладони. Его наконечник был огранен начетверо и скован из неведомой полукровке темной стали. Оперение из тонких полосок жесткой кожи было аккуратно вклеено в глубокие пазы у самого основания древка, сделанного из прочного ясеня.

Следопыт обтер железо о подол кафтана убитого и прыгнул обратно в ушкуй. Суденышко северян коротко качнулось, приняв его вес. Бато опустился на скамью рядом с Ильей, протянув ему трофей.

— Диковинная стрела, — удивленно сказал Илья, крутя болт в руках. — Наши кузнецы такого не делают. Словно и не молотком выводили, а на камне неделями точили. Да и коротка для лука.

— Это не для лука стрела, — заметил Бато. — Слишком тяжелая. Это для самострела.

Илья молча спрятал болт в сумку, поднялся в полный рост и махнул рукой гребцам. Те налегли на весла, и плоскодонное суденышко резво вывалилось из тихой заводи обратно на речной поток.

Оказавшись на течении, ушкуй с трудом пошел вверх. Миновав широкий изгиб русла, разведчики увидели ладьи. Их борта, обвешанные костлявыми оленьими и кабаньими хребтами, издалека казались зловещими багровыми знаменами.

Гребцы на ушкуе аккуратно подвели его к третьей ладье. Дружинники, заметив подошедшую лодку, сбросили вниз канат. Бато ухватился за свисающую веревку, закрепил ушкой и взобрался на палубу. За ним, ловко взявшись за край, на ладью заскочил Илья.

Разведчики прошли по узкой палубе, пробираясь между бочками с сухарями и развалившимся на рогожах воинами. На корме их уже ждал воевода, о чем-то негромко переговариваясь со старым рулевым.

Десятник протянул воеводе обтертый от крови болт. Яромир аккуратно взял диковинку и поднес ближе к лицу. Он медленно повернулся на солнце, внимательно осматривая необычное оружие. Тщательно изучив наконечник, древко и оперение, воевода сунул его за пояс и развернулся к разведчикам.

— Где взяли? — спросил Яромир.

— В версте отсюда, в затхлой заводи за мысом, — ответил за старшего Илья, стараясь, чтобы голос не дрожал перед воеводой. — Дозорный челн там застрял, а внутри двое ратников, остыть толком еще не успели. Нашпиговал их кто-то такими стрелами, как свиной. Одному в грудь угодило так, что аж под лопаткой вылезло.

— Братство зубы кажет, — низко прогудел воевода, глядя куда-то мимо разведчиков. — Ну, добро. Будем встречать.

Яромир развернулся к рулевому и указал в сторону берега. Пожилой дружинник послушно навалился грудью на неповоротливое рулевое весло, заставив ладью со скрипом развернуться поперек течения.

Воевода тем временем вытащил боевой рог и затрубил, подавая знак соседним ладьям также повернуть к земле. Через несколько секунд на остальных судах подхватили команду — по реке покатился зычный ор десятников, а гребцы заработали с удвоенной силой.

Шесть ладей и легкий ушкуй потянулись к вытянутой береговой косе. Носовые части судов с шорохом зарылись в мокрый песок, раздвинув прибрежные камыши. Северяне полезли через борта, десятки мягких сапог затопали по ледяной воде, поднимая тучи брызг в воздух.

Пока рядовые воины закрепляли корабли на берегу, Яромир собрал сотников и десятника Илью на укромной поляне рядом с водой.

— Слушайте крепко, братья. Илья на реке дозорную лодку нашел. Внутри стылые. Убиты из самострелов. Вот стрела.

Вытащив из-за пояса болт, воевода показал его всем на своей широченной ладони.

— Немичи, — процедил Ермолай и зло сплюнул под ноги.

— Они, — подтвердил Яромир. — Видно Братство на Север выбралось. Сколько их — мы не знаем. Может десять, а может тысяча. Так что на воде с ними нам лучше не встречаться. Дальше пойдем по земле. Терех! С кораблями оставь двадцать человек под началом Радко Беспалого. Пусть прикроет их с обеих сторон, и с реки, и с леса. Коли что с ними случится — головой ответит.

— Сделаем, батько воевода, — ответил Терех и свистом подозвал одного из рядовых бойцов, чтобы послать его до Радко.

— Сава, седлай коней на всех, — продолжил воевода. — До Сольцов нам пару десятков верст. Если ходко пойдем, то до ночи прибудем. Илья, пойдешь со своими и Бато впереди.

Сотники кивнули и разошлись выполнять указания. На поляне поднялся привычный предподходный шум: воины проверяли сбрую и стремяна, крепили к седлам сумки, перегружали дружинный скарб и припасы с кораблей на обозные телеги.

Не прошло и часа, как больше сотни всадников выстроились в узкую цепь по двое, и отряд тронулся с места. Река осталась за спинами северян и лес равнодушно принял их в свои пределы. Чавкая раскисшей жижей, дружина углубилась в чащу, где между мшистыми стволами сосен уже начинали сгущаться предвечерние тени.

Илья со своими людьми и Бато шли на полверсты впереди основного войска, то и дело пуская лошадей быстрым шагом по едва заметной в весенней грязи тропинке. Сырой и промозглый бор обступал их все плотнее, смыкая над головами свои развесистые лапы.

Следопыт то и дело придерживал мерина, всматриваясь во влажный мох у корней сосен и лоя чутким носом малейшее движение воздуха. Спустя полчаса езды он внезапно осадил коня и поднял руку, призывая северян остановиться. Илья тут же натянул поводья и замер, оглядываясь вокруг.

— Лагерь впереди, — прошептал полукровка десятнику и осторожно спешил, стараясь погасить неизбежное чавканье под ногами.

Передав поводья одному из дружинников, полукровка плавно двинулся вперед на полусогнутых, выбирая места посуше. Добравшись до низкого подлеска, он припал на землю и пополз, не обращая внимания на слякоть. Вскоре еловый заслон разошелся и на крутом холме в черте леса Бато увидел небольшой лагерь, окруженный частоколом.

На земляной насыпи были разбросаны тела ратников в потемневших от сырости стеганых доспехах. Они лежали ничком, уткнувшись лицами в пятна талого снега. Подождав немного и осмотревшись, полукровка вытащил лук и медленно пошел в их сторону.

Убитые снова оказались северянами. Ближний к тропе замер на земле с зажатым в безжизненной руке берестяным факелом. Следопыт смекнул, что он пытался добежать до заготовленной поленницы сигнального костра, но не успел. Из его затылка, пробив ржавую железную шапку, торчало кожаное оперение уже знакомого короткого болта.

Бато двинулся следом, внимательно вглядываясь под ноги. На перемолотой грязи начали появляться отпечатки необычных тяжелых подошв, а потом и следы неместных подков. Проверив несколько землянок, укрытых сверху от дождя бревнами и мхом, полукровка убедился, что живых не осталось. Тогда он вернулся назад к Илье и вместе разведчики заняли лагерь.

Спустя несколько минут из-за деревьев потянулась основная рать. При виде тел воевода спешил, передал узду подошедшему дружиннику и медленно взошел на насыпь разбитого поста. Вслед, гремя кольчугой, на вал забрался сотник Ермолай. Илья с Бато встретили их за частоколом.

— Сдается, обошли их, воевода, — сразу начал докладывать следопыт. — На землю сошли где-то выше по течению. Знали, где дозор стоит. Может местный провел. Зашли с тыла. Вырезали, вернулись на лодки, пошли дальше по реке.

Яромир остановился, разглядывая убитых. Один валялся на спине, широко раскинув руки. На его плече зияла огромная рубленая рана, ключицу раскроило будто гигантской бритвой. Второй лежал скрючившись, ухватив одной рукой обрубок второй. Отрубленная конечность валялась в трех шагах, пальцы все еще сжимали бесполезное теперь копьё.

— Что это? — Бато кивнул на труп. — Топор так не бьет. Великаны они что ли?

— Мечи у них такие, Бато, — ответил Ермолай. — Железа у немичей хоть отбавляй, вот и делают мечи здоровые, словно косы. Двумя руками за них берутся, потому что клинок тяжелый, но заточены остро. Человека рвут, словно курицу. Зевнешь замах таким, и все, отпевай.

— Хорош языком чесать, Ерема, — мрачно прервал сотника Яромир. — Пусть твои железо снимают, да побыстрее. А ты собирай сотников. Опережают нас гости.

Пока северяне деловито обходили сторожевой пост, собирая с земли оружие и снимая с убитых железные шапки, сотники стянулись в одну из тесных землянок.

— До Сольцов осталось верст десять, — сообщил Яромир, оглядывая свой ближний круг. — Богатых слобод дальше по реке нет, а Плес бедствует. В окрестностях немичам брать больше нечего. Стало быть, идут они туда. Весь удел княже Михаила держится на этих солеварнях. Если немичи пустят ему кровь, то к осени Михаилу нечем дружине платить будет, а у Братства свои солеварни озолотятся.

— Братство противник серьезный, отец воевода, — задумчиво заметил Ермолай. — С ними лучше не связываться.

— Проверим, Ерема, — ответил воевода. — Разобьем рать на три отряда. Сава, дашь крюка, обойдешь Сольцы справа. Ерема, ты со своими встанешь слева, у речного обрыва. Я с

Терехом и зелеными зайду через старую просеку. Займете позиции и ждите гонцов от меня. Глаз не смыкать, пока вестей не получите.

Яромир всем корпусом развернулся к Илье.

— Пойдешь наперед меня. Посад осмотришь и вернешься ко мне. Буду стоять у Выжлова оврага, что в версте к востоку от Сольцов. Там ручей глубокий, около него нас найдешь. Все поняли? Ну, с Богом!

Собрав все ценное и рабочее с хладных тел, дружина двинулась дальше. Единый строй северян распался на три людских ручья, которые расплзлись в разные стороны под мрачные своды пореченского леса. Разведчики же бесшумно отделились и растворились в чащобе, уходя на острие.

Бато шел первым, Илья держался чуть левее, то и дело поглядывая на следопыта и чутко прислушиваясь к каждому шороху. Всадники ехали в полном молчании, чтобы не выдать себя неосторожным звуком.

Бор впереди стремительно темнел, наливаясь густой ночной синевой. День подходил к концу, и сумерки все больше скрывали от северян окружающее. Видеть дорогу становилось все сложнее, лошади увязали копытами в дорожной хляби.

Спустя добрую версту тропа пошла под уклон. Лес немного разределся, сменившись плотными зарослями кустарника. В этот момент следопыт почувал резкий запах. Вместо привычной душистой смеси сосны и сырого мха в нос ударила гарь.

Это не был тот запах лесных пожарищ, к которому полукровка стал привычен за годы жизни на Севере. По лесу ползла почти невидимая белесая дымка, от которой в горле першило, а глаза будто обжигало чем-то колючим.

Чем дальше шли разведчики, тем сильнее давила гарь. Дружинники начали кашлять и тереть глаза, лошади замотали головами и зафыркали, отказываясь идти.

— Тьфу, пропасть, — Илья прикрыл рот рукавом, давя кашель. — Дым жгучий какой. Что это, Бато?

— Дерево так не смердит, — отозвался полукровка. — Это соль горит. Видел я уже такое. Коней надо оставлять, Илья. Не выдержат запаха, начнут ржать. Да и копыта по камням гремят.

Илья согласно кивнул и спешился, пытаясь беззвучно прокашляться. Он вытащил из поясной сумы ветошь и прикрыл ей лицо, после чего обернулся к своим дружинникам и сделал короткий знак рукой, приказывая им следовать его примеру.

— Так и быть, но дальше вдвоем пойдем, — решительно заявил молодой десятник.

Полукровка пожал плечами и первым скользнул с тропы вниз, прямо в скрывающий от взгляда сырой кустарник. Илья последовал его примеру, согнувшись в три погибели, чтобы не выдавать свой огромный рост.

Через пару сотен шагов следопыт замер, плотно прижавшись грудью к замшелому пню. Вслед за ним Илья залег, стараясь не колебать голые ветви вокруг. Откуда-то спереди начали долетать приглушенные звуки: равномерный низкий гул, на фоне которого кто-то время от времени истошно голосил.

Разведчики проползли еще с пару десятков шагов и наконец добрались до границы леса. Затаив дыхание, Бато выглянул наружу и сквозь пелену едкого соляного дыма ему открылась жуткая картина.

Посад Сольцов горел. Значительную часть его уже давно предали огню. Вместо жилых изб и купеческих лавок тут и там чернели обугленные бревенчатые остовы, освещенные мертвенным желтым огнем от еще полыхающих строений.

Между горящих и еще целых срубов спокойно бродили чужеземно выглядящие воины, закованные в железо и кожу. Рассыпавшись по дворам и причалам Сольцов, они без суеты жгли и грабили посад, уверенные в том, что им ничто не угрожает.

Часть методично обшаривала уцелевшие подворья, вытаскивая ценную утварь, меха и купеческие сундуки, которые затем сносили к реке. Другие занимались угоном людей в плен. Испуганных местных жителей, среди которых Бато приметил мастеров в рабочих кожаных фартуках, грубо вязали веревками в длинные живые цепочки и загоняли на палубы пришвартованных пузатых кораблей.

Несколько групп чужеземцев со смехом жгли огромные дровяные склады — многолетние запасы сухого топлива. Огромные поленницы полыхали с тем самым утробным гулом, который разведчики слышали с околицы.

Начав высматривать всех захватчиков, Бато быстро сбился со счета. Тогда за дело взялся Илья. Опытный глаз десятника аккуратно разделил бесформенную толпу врагов на привычные ему десятки и сотни. Навскидку немичей было без малого полторы сотни.

Основную массу составляли вооруженные длинными алебардами и арбалетами грязнолицые мужики в простых кожаных доспехах и грубых железных шапках. Однако среди них тут и там попадались внушающие дрожь тяжеловооруженные рыцари. Их белые плащи с черными крестами казались желтыми в отсветах соляного пожара, а глухие закрытые шлемы и начищенные стальные кирасы мерцали, отражая языки пламени.

Бато осторожно тронул Илью за плечо, призывая того уходить. Разведчики скользнули обратно под защиту леса. Проводник вел десятника назад по своим же следам, стараясь не шуметь и стелаясь к самой земле, пока желтые сполохи за их спинами не погасли.

Добравшись до лощины, где северяне ждали своего командира, разведчики молча забрались в седла и пустили лошадей размашистой рысью в сторону Выжлова оврага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.